

М. М. Дунаев

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ?

*(Анализ романа М. Булгакова
"Мастер и Маргарита")*

Пермь, 1999

Печатается по благословению наместника Свято-Троицкого Стефанова мужского монастыря архимандрита Стефана (Сексяева)

Плод с древа утраченной истины

Очередная брошюра серии посвящена анализу романа Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита". Роман этот – шедевр литературы, который наиболее охотно принимается в среде образованных, интеллигентных людей самых разных профессий, в том числе и связанных с педагогическим поприщем, деятельность на котором, безусловно, направлена на формирование системы знания, мировоззрения поколения молодого. Потому и немаловажно проанализировать, определить с позиции Вечной Истины, что заключает в себе роман, и задуматься, как понимается и преподается он сегодня.

Нам выпала участь жить в такое переломное время, что после векового коммунистического социального эксперимента, на стыке веков, на стыке тысячелетий особенно актуален вопрос переосмысления всего литературного процесса (и 19-го века, и нашего 20-го), до недавней поры литературные произведения анализировались исключительно по вульгарно-"классовому принципу", творческий процесс был закован в чугуны идеологии. Но и наше время непростое: множество в ходу мировоззренческих систем, идеологий, да они сегодня не дают разрешения накопившихся проблем человечества. И каждому из нас, хотим того мы или нет, предстоит вновь определиться с выбором позиции, позиции духовно-нравственной, какой она должна быть; такой, которая льстит нашему самолюбию, но ведет к гибели души, или такой, которая заключает путь к Вечной Истине, но требует от нас самих немалых усилий, жертвенности и самоотречения?

Автор брошюры Михаил Михайлович Дунаев преподаватель Московской Духовной Академии, магистр богословия, кандидат филологических наук, автор объемного труда "Православие и русская литература", охватывающего период с 17-го века и до последней четверти 20-го. К настоящему времени из печати вышло три части из задуманных пяти.

Итак, что за роман "Мастер и Маргарита" – произведение, торящее путь к Истине, или "одна из уловок духовного зла"? Кому посвящен роман? Мастеру с Маргаритой. Иешуа, за образом которого, несомненно, представлен автором Иисус Христос, или сатане в образе Воланда? Искушает ли условность художественных образов искажение Нового Завета? В чем подлинный смысл романа? Если его выводить непредвзято и в свете Слова Божия? Над этими и другими вопросами приглашает нас поразмышлять автор брошюры.

Ну, и, самое главное, необходимо нам задуматься, каковы последствия могут быть от не критического или поверхностного усвоения этого бесспорно талантливое, огромной художественной выразительности произведения.

М.Булгаков родился в 1891 году в семье профессора истории, вырос и сформировался в бурлящей интеллигентской среде эпохи активной демократической ломки существующего в России порядка, окончил медицинский факультет Киевского университета.

Это был художник ищущей мысли, сложно-трагического мировосприятия: с одной стороны, – не приемлющий уродливого лица нового социалистического времени, с

другой, – неизбежно опирающийся на неустойчивое сознание эпохи, разрушенной 1917 годом, не отыскавший опоры ни в советской "культурной" среде, ни в ушедшей с белой гвардией.

Разумеется, были, были причины для развития в 19-ом веке атеизма в России, а затем и полного отрицания самодержавного строя, для революционного переворота, для уничтожения православия и его служителей, разрушения храмов через ненависть, которую заразили бывшие бурсаки (Н.Помяловский, Н.Чернышевский, Н.Добролюбов, И.Джугашвили и К^о) широчайшие слои общества, и прежде всего легко поддающуюся всяким "новым" веяниям интеллигенцию. Несомненно, что Михаил Булгаков, сформировавшийся в той атмосфере эпохи, нес до конца жизни на себе ее трагический отпечаток, эклектику ее мировоззрения [*], нес в себе и, может быть, стихийно подхваченную болезнь русской интеллигенции последних двух веков, которую и поныне страдают многие, когда догадки, домыслы, фантазии и заблуждения одного человека, питаемые его гордыней, возводились в ранг непогрешимости, превозносились выше Священного Писания, ставились выше соборного разума Церкви, который соединяет в себе опыт всех Святых и через который раскрывается людям воля Божия.

Рука, к примеру, Льва Толстого поднялась до дерзновенной перекройки Евангелия на свой лад. Человек сей по сути-то вознес себя выше Христа, выше Бога...

Вот на подобном древе утраченной истины, утонченного заблуждения созрел и плод под названием "Мастер и Маргарита", с художественным блеском вольно или невольно – искаживший первооснову, а в результате вышел роман антихристианский, "евангелие от сатаны", "анти-литургия".

Все это еще раз свидетельствует о том, что мировоззрение писателя определяет структуру его произведения, а последнее своим воздействием на читательскую душу возвращает в ней и соответствующие убеждения. Потому очень важно, каково это воздействие: погибельное или спасительное, "...суд примут все не веровавшие истине, но благоволившие в неправде" (2 Фес.2:12).

Понятно, что людям, давно полюбившим роман, выносившим свои о нем представления и сжившимся с ними, будет очень, быть может, непросто принять выводы М.М.Дунаева, но они доказательны настолько, что отмахнуться от них никак невозможно. Ситуация, может стать, чем-то будет похожей на ту, когда дверь в квартире, в целях безопасности, навешали с возможностью распахиваться в другую сторону, и хозяевам, всю свою жизнь открывавшим дверь иначе, оказалось очень и очень непросто примириться с новым положением...

Для нас произведение "Мастер и Маргарита" величайший соблазн; ну, а если учесть, что нити от всякого нашего деяния тянутся в мир иной, духовный, то можно предположить, что для бессмертной души Михаила Афанасьевича – это величайшая трагедия.

Необходимо особо подчеркнуть, что статью М.М.Дунаева вовсе не следует воспринимать как попытку перечеркнуть мощный талант Михаила Булгакова, устроить над писателем суд, как в старые партийные времена. Это информация к размышлению, в которой речь идет о конкретном романе, сотворенном своей эпохой.

Виталий Богомолов, писатель.

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ?

"Как Отец знает Меня, так и я знаю Отца" (Ин. 10,15), – свидетельствовал Спаситель перед Своими учениками.

"...Я не помню моих родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец...", – утверждает бродячий философ Иешуа Га-Ноцри на допросе у пятого прокуратора Иудеи всадника Понтийского Пилата [1].

"Уже первые критики, откликнувшиеся на журнальную публикацию романа Булгакова "Мастер и Маргарита", заметили, не могли не заметить реплику Иешуа по поводу записей его ученика Левия Матвея: "Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время. И все из-за того, что он неверно записывает за мной. /.../ Ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты Бога ради свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал" [2]. Устами своего – героя автор отверг истинность Евангелия.

Да и без реплики этой – различия между Писанием и романом столь значительны, что нам помимо воли нашей навязывается выбор, ибо нельзя совместить в сознании и душе оба текста. Всю силу своего дарования призвал на помощь писатель, дабы заставить читателя поверить: истина в том, что составило содержание романа. Должно признать, что наваждение правдоподобия, иллюзия достоверности – необычайно сильны у Булгакова. Бесспорно: роман "Мастер и Маргарита" истинный литературный шедевр. И всегда так бывает: выдающиеся художественные достоинства произведения становятся сильнейшим аргументом в пользу того, что пытается внушить художник...

Не будем задерживать внимание на множестве бросающихся в глаза различий между рассказом о событиях у евангелистов и версией писателя. Сосредоточимся на главном: перед нами иной образ Спасителя. Знаменательно, что персонаж этот несет у Булгакова и иное звучание своего имени: Иешуа. Но это именно Иисус Христос. Недаром Воланд, предваряя повествование о Пилате, уверяет Берлиоза и Иванушку Бездомного: "Имейте в виду, что Иисус существовал" [3]. Да, Иешуа – это Христос, представленный в романе как единственно истинный, в противоположность евангельскому, измышленному якобы, порожденному нелепостью слухов и бестолковостью ученика. Миф о Иешуа творится на глазах у читателя. Так, начальник тайной стражи Афраний сообщает Пилату сущий вымысел о поведении бродячего философа во время казни: Иешуа – вовсе не говорил приписываемых ему слов о трусости, не отказывался от питья. Правда, те же слова о трусости имеются и на пергаменте Левия Матвея (на козлином пергаменте – что за деталь!), но доверие к записям ученика подорвано изначально самим учителем. Если не может быть веры свидетельствам явных очевидцев – что говорить тогда о позднейших Писаниях? Да и откуда взяться правде, если ученик был всего один (остальные, стало быть, самозванцы?), да и того лишь с большой натяжкой можно отождествить с евангелистом Матфеем. Следовательно, все последующие свидетельства – вымысел чистой воды. Так, расставляя вехи на логическом пути, ведет нашу мысль М. Булгаков.

Но Иешуа не только именем и событиями жизни отличается от Иисуса – он сущностно иной, иной на всех уровнях: сакральном, богословском, философском, психологическом, физическом.

Он робок и слаб, простодушен, непрактичен, наивен до глупости. Он настолько неверное представление о жизни имеет, что не способен в любопытствующем Иуде из Кириафа распознать заурядного провокатора-стукача (тут любой "советский человек" почувствует горделиво свое безусловное превосходство над нищим мудрецом). По простоте душевной Иешуа и сам становится добровольным доносчиком, ибо без всякого внешнего побуждения со стороны Пилата в самом же начале допроса "стучит", того не подозревая, на верного ученика Левия Матвея, сваливая на него все недоразумения с толкованием собственных слов и дел. Тут уж, поистине: простота хуже воровства. Лишь равнодушие Пилата, глубокое и презрительное, спасает, по сути, Левия от возможного

преследования. Да и мудрец ли он, этот Иешуа, готовый в любой момент вести беседу с кем угодно и о чем угодно?

Его принцип: "правду говорить легко и приятно" [4]. Никакие практические соображения не остановят его на том пути, к которому он считает себя призванным. Он не остережется даже тогда, когда его *правда* становится угрозой для его же жизни. Но мы впали бы в заблуждение, когда отказали бы Иешуа на этом основании хоть в какой-то мудрости. Тут-то как раз он достигает подлинной духовной высоты, ибо руководствуется не практическими соображениями рассудка, но стремлением более высоким. Иешуа возвещает свою правду вопреки так называемому "здравому смыслу", он проповедует как бы поверх всех конкретных обстоятельств, поверх времени – для вечности. Поэтому он не только здравомысленно мудр, но и нравственно высок.

Иешуа высок, но высота его – человеческая по природе своей. Он высок по человеческим меркам. Он – человек. В нем нет ничего от Сына Божия. Божественность Иешуа навязывается нам соотносительностью, несмотря ни на что, его образа с Личностью Христа. Однако если и сделать вынужденную уступку, вопреки всей очевидности, представленной в романе, то можно лишь признать условно, что перед нами не Богочеловек, а человекобог. Вот то главное *новое*, что вносит Булгаков, по сравнению с Новым Заветом, в свое "благовествование" о Христе.

Опять-таки: и в этом не было бы ничего оригинального, если бы автор оставался на позитивистском уровне Ренана, Гегеля или Толстого от начала до конца. Но нет недаром же именовал себя Булгаков "мистическим писателем", роман его перенасыщен тяжелой мистической энергией, и лишь Иешуа не знает ничего иного, кроме одинокого земного пути, – и на исходе его ждет мучительная смерть, но отнюдь не Воскресение.

Сын Божий явил нам высший образец смирения, истинно *смирняя* Свою Божественную силу. Он, Который одним взглядом мог бы уничтожить всех утеснителей и палачей, принял от них поругание и смерть по доброй воле и во исполнение воли Отца Своего Небесного. Иешуа явно положился на волю случая и не заглядывает далеко вперед. Отца он не знает и смирения в себе не несет, ибо нечего ему смирять. Он слаб, он находится в полной, вопреки своей воле, зависимости от последнего римского солдата, не способен, если бы захотел, противиться внешней силе. Иешуа жертвенно несет свою правду, но жертва его не более чем романтический порыв плохо представляющего свое будущее человека.

Христос знал, что Его ждет. Иешуа такого знания лишен, он простодушно просит Пилата: "А ты бы меня отпустил, игемон..." [5] – и верит, что это возможно. Пилат и впрямь готов был бы отпустить нищего проповедника, и лишь примитивная провокация Иуды из Кириафа решает исход дела к невыгоде Иешуа. Поэтому, по Истине, у Иешуа нет не только волевого смирения, но и подвига жертвенности.

У Иешуа нет и трезвой мудрости Христа. По свидетельству евангелистов, Сын Божий был немногословен перед лицом Своих судей. Иешуа, напротив, чересчур говорлив. В необоримой наивности своей он готов каждого наградить званием доброго человека и договаривается под конец до абсурда, утверждая, что центуриона Марка изуродовали именно "добрые люди". В подобных идеях нет ничего общего с истинной мудростью Христа, простившего Своим палачам их преступление.

Иешуа же не может никому и ничего прощать, ибо простить можно лишь вину, грех, а он не ведает о грехе. Он вообще как бы находится по другую сторону добра и зла.

Тут можно и должно сделать важный вывод: Иешуа Га-Ноцри, пусть и человек, не предназначен судьбой к совершению *искупительной жертвы*, не способен на нее. Это – центральная идея булгаковского повествования о бродячем правдовозвестителе, и это отрицание того важнейшего, что несет в себе Новый Завет.

Но и как проповедник Иешуа безнадежно слаб, ибо не в состоянии дать людям главного – веры, которая может послужить им опорой в жизни. Что говорить о других, если не выдерживает первого же испытания даже верный ученик, в отчаянии посылающий

проклятия Богу при виде казни Иешуа.

Да и уже отбросивший человеческую природу, спустя без малого две тысячи лет после событий в Ершалаиме, Иешуа, ставший наконец Иисусом, не может одолеть в споре все того же Понтия Пилата, и бесконечный диалог их теряется где-то в глубине необозримого грядущего – на пути, сотканном из лунного света. Или здесь христианство вообще являет свою несостоятельность?

Иешуа слаб, потому что не ведает он Истины. То центральный момент всей сцены между Иешуа и Пилатом в романе – диалог об Истине.

Что такое Истина? – скептически вопрошает Пилат.

Христос здесь безмолвствовал. Все уже было сказано, все возвещено. Иешуа же многословен необычайно:

- Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе даже трудно глядеть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает. Ты не можешь даже и думать о чем-нибудь и мечтаешь только о том, чтобы пришла твоя собака, единственное, по-видимому, существо, к которому ты привязан. Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдет [6].

Христос безмолвствовал – и в том должно видеть глубокий смысл.

Но уж коли заговорил – мы ждем ответа на величайший вопрос, какой только может задать человек Боги; ибо ответ должен звучать для вечности, и не один лишь прокуратор Иудеи будет внимать ему. Но все сводится к заурядному сеансу психотерапии. Мудрец-проповедник на поверку оказался средней руки экстрасенсом (выразимся по-современному). И нет никакой скрытой глубины за теми словами, никакого потаенного смысла. Истина оказалась сведенной к тому незамысловатому факту, что у кого-то в данный момент болит голова. Нет, это не принижение Истины до уровня обыденного сознания. Все гораздо серьезнее. Истина, по сути, отрицается тут вовсе, она объявляется лишь отражением быстротекущего времени, неуловимых изменений реальности. Иешуа все-таки философ. Слово Спасителя всегда собирало умы в единстве Истины. Слово Иешуа побуждает к отказу от такого единства, к дроблению сознания, к растворению Истины в хаосе мелких недоразумений, подобных головной боли. Он все-таки философ, Иешуа. Но его философия, внешне противостоящая как будто суетности житейской мудрости, погружена в стихию "мудрости мира сего".

"Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их. И еще: Господь знает умствования мудрецов, что они суетны" (1 Кор. 3, 19-20). Поэтому-то нищий философ сводит под конец все мудрствования не к прозрениям тайны бытия, а к сомнительным идеям земного обустройства людей. Иешуа предстает носителем утопических идей социально-политической справедливости.

"В числе прочего я говорил, – рассказывает арестант, – что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть" [7]. Царство истины? "Но что есть истина?" – только и можно спросить вслед за Пилатом, наслушавшись подобных речей. "Что есть истина? – Головная боль?"

Ничего оригинального в такой интерпретации учения Христа нет. Еще Белинский в пресловутом письме к Гоголю утверждал о Христе: "Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения" [8]. Идея, на что и сам Белинский указал, восходит к материализму Просвещения, то есть к той самой эпохе, когда "мудрость мира сего" была обожествлена и возведена в абсолют. Стоило ли огород городить, чтобы возвращаться все к тому же?

Можно угадать при этом возражения поклонников романа: главной целью автора было художественное истолкование характера Пилата как психологического и социального типа, эстетическое его исследование. Несомненно, Пилат привлекает романиста в той

давней истории. Пилат вообще одна из центральных фигур романа. Он крупнее, значительнее как личность, нежели Иешуа. Образ его отличается большей цельностью и художественной завершенностью. Все так. Но зачем ради того было кощунственно перекожеживать Евангелие? Был же ведь тут какой-то смысл...

Но то большинством нашей читающей публики и вовсе как несущественное воспринимается. Литературные достоинства романа как бы искупают любое кощунство, делают его даже незаметным – тем более что публика настроена обычно если и не строго атеистически, то в духе религиозного либерализма, при котором за всякой точкой зрения на что угодно признается законное право существовать и числиться по разряду истины. Иешуа же, возводивший в ранг Истины головную боль пятого прокуратора Иудеи, давал тем самым своего рода идеологическое обоснование возможности сколь угодно многого числа идей-истин подобного уровня. Кроме того, булгаковский Иешуа предоставляет всякому, кто лишь пожелает, щекощущую возможность отчасти свысока взглянуть на Того, перед Кем Церковь склоняется как перед Сыном Божиим. Легкость вольного обращения с Самим Спасителем, которую обеспечивает роман "Мастер и Маргарита" (утонченное духовное извращение эстетически пресыщенных снобов), согласимся, тоже чего-то стоит! Для релятивистски настроенного сознания тут и кощунства никакого нет.

Впечатление достоверности рассказа о событиях двухтысячелетней давности обеспечивается в романе Булгакова правдивостью критического освещения современной действительности, при всей гротескности авторских приемов. Разоблачительный пафос романа признается как несомненная нравственно-художественная ценность его. Но тут нужно заметить, что (как ни покажется то обидным и даже оскорбительным для позднейших исследователей Булгакова) сама тема эта, можно сказать, открыта и закрыта одновременно уже первыми критическими отзывами на роман, и прежде всего обстоятельными статьями В.Лакшина (Роман М.Булгакова "Мастер и Маргарита" // Новый мир. 1968. №6) и И.Виноградова (Завещание мастера // Вопросы литературы. 1968. №6). Без сомнения, здесь еще многое можно выявить – количественно; однако качественно что-либо новое сказать вряд ли удастся. Да и что можно нового добавить к простой констатации факта: Булгаков в своем романе дал убийственную критику мира недолжного существования, разоблачил, высмеял, испепелил огнем язвительного негодования до *pes plus ultra* (крайних пределов. – *Ред.*) суетность и ничтожество нового советского культурного мещанства.

Оппозиционный по отношению к официальной культуре дух романа, а также трагическая судьба его автора, как и трагическая первоначальная судьба самого произведения, помогли вознесению созданного пером М.Булгакова на труднодостижимую для любого критического суждения высоту. Все курьезно осложнилось и тем, что для значительной части наших полуобразованных читателей роман "Мастер и Маргарита" долгое время оставался едва ли не единственным источником, откуда можно было черпать сведения о евангельских событиях. Достоверность булгаковского повествования проверялась им же самим – ситуация печальная. Посягновение на святость Христа само превратилось в своего рода интеллигентскую святыню.

Понять феномен шедевра Булгакова помогает мысль архиепископа Иоанна (Шаховского): "Одна из уловок духовного зла это – смешать понятия, запутать в один клубок нити разных духовных крепостей и тем создать впечатление духовной органичности того, что не органично и даже антиорганично по отношению к человеческому духу" [9]. Правда обличения социального зла и правда собственного страдания создали защитную броню для кощунственной неправды романа "Мастер и Маргарита". Для неправды, объявившей себя единственной Истиной. "Там все неправда", – как бы говорит автор, разумея Священное Писание. "Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время". Правда же открывает себя вдохновенными прозрениями Мастера, о чем свидетельствует с несомненностью, претендующей на безусловное доверие наше, – Сатана. (Скажут: это же условность.

Возразим: всякая условность имеет свои пределы, за которыми она безусловно отражает определенную идею, весьма определенную).

II.

Роман Булгакова посвящен вовсе не Иешуа, и даже не в первую очередь самому Мастеру с его Маргаритой, но – Сатане. Воланд есть несомненный главный герой произведения, его образ – своего рода энергетический узел всей сложной композиционной структуры романа. Главенство Воланда утверждается изначально эпиграфом к первой части: "Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо".

Слова Мефистофеля, вознесенные над текстом романа, призваны выявить своего рода диалектичность, а точнее (употребим модное слово), амбивалентность дьявольской природы, якобы направленной в конце концов на сотворение добра. Мысль, требующая осмысления. Сатана действует в мире лишь постольку, поскольку ему дозволяется то попушением Всевышнего. Но все, совершающееся по воле Создателя, не может быть злом, направлено ко благу Его творения, есть, какой мерой то ни меряй, выражение высшей справедливости Господней. "Благ Господь ко всем, и щедроты Его на всех делах Его" (пс.144, 9). В этом смысл и содержание христианской веры. Поэтому зло, исходящее от дьявола, преобразуется во благо для человека, благодаря именно Божьему попушению. Господнему произволению. Но по природе своей, по дьявольскому изначальному намерению оно продолжает оставаться злом. Бог обращает его во благо – не Сатана. Поэтому, утверждая: "Я творю добро", – слугитель ада лжет, присваивая себе то, что ему не принадлежит. Бес лжет, но то в природе его, на то он и бес. Человеку же дана способность распознать бесовскую ложь. Но сатанинская претензия на исходящее от Бога – воспринимается автором "Мастера и Маргариты" как безусловная истина, и на основании веры в дьявольский обман Булгаков и выстраивает всю нравственно-философскую и эстетическую систему своего творения.

Идея Воланда уравнивается в философии романа с идеей Христа. "Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом, – поучает свысока дух тьмы глуповатого евангелиста, – что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп" [10]. Не высказывая прямо, Булгаков подталкивает читателя к догадке, что Воланд и Иешуа суть две равновеликие сущности, правящие миром. В системе же художественных образов романа Воланд и вовсе превосходит Иешуа – что для всякого литературного произведения весьма существенно.

Но одновременно читателя подстерегает в романе и страннейший парадокс: несмотря на все разговоры о зле, Сатана действует скорее вопреки собственной природе. Воланд здесь – безусловный гарант справедливости, творец добра, праведный судия для людей, чем и привлекает к себе горячее сочувствие читателя. Воланд – самый обаятельный персонаж романа, гораздо более симпатичный, нежели малохольный Иешуа. Он активно вмешивается во все события и всегда действует во благо – от наставительных увещаний вороватой Аннушке до спасения из небытия рукописи Мастера (не будем разделять действия самого Воланда и его подручных). Не от Бога – от Воланда изливается на мир справедливость. Недееспособный Иешуа ничего не может дать людям, кроме абстрактных, духовно расслабляющих рассуждений о не вполне вразумительном добре да кроме туманных обещаний грядущего царства истины, которое, по его же логике, – может обернуться всего лишь царством головной боли (вот напророчил!). Воланд твердой волей

направляет деяния людей, руководствуясь понятиями вполне конкретной справедливости и одновременно испытывая к людям неподдельную симпатию, даже сочувствие.

И вот важно: даже прямой посланник Христа, Левий Матвей, "моляще обращается" к Воланду. Сознание своей правоты позволяет Сатане с долей высокомерия отнестись к неудавшемуся ученику-евангелисту, как бы незаслуженно присвоившему себе право быть рядом с Христом. Воланд настойчиво подчеркивает с самого начала: именно он находился рядом с Иисусом в момент важнейших событий, "неправедно" отраженных в Евангелии.

Но зачем так настойчиво навязывает он свои свидетельские показания? И не он ли направлял вдохновенное прозрение Мастера, пусть и не подозревавшего о том? И он же спас рукопись, преданную огню. "Рукописи не горят" – эта дьявольская ложь привела когда-то в восторг почитателей булгаковского романа (ведь так хотелось в это верить!). Горят. Но что спасло эту? Для чего Сатана воссоздал из небытия сожженную рукопись? Зачем вообще включена в роман искаженная история Спасителя?

Внешне убедительную версию выдвинул в свое время В.Лакшин. Проводя аналогию с рассказом А.П.Чехова "Студент", критик утверждал: напоминание о событиях евангельских времен у обоих писателей помогает человеку ощутить неразрывную связь времен, острее почувствовать и понять ту правду и красоту, что присутствует в мире. Привлекательно, но справедливо ли? Для Чехова – да: ибо его герой безыскусно пересказал своими словами случайно встретившимся ему в поле женщинам то, что содержится в Евангелии, но вовсе не выдумал ничего от себя. И правда его рассказа потрясла слушающих. Булгаковские персонажи, Воланд и Мастер, с художественной выразительностью переврали первооснову, тем разрушив духовную связь времен. Для чего это понадобилось автору? – мы никуда не уйдем от такого вопроса.

Давно уже сказано, что дьяволу особенно желательно, чтобы все думали, будто его нет. Вот то-то и утверждается в романе. То есть не вообще его нет, а не выступает он в роли соблазнителя, сеятеля зла. Поборником же справедливости – кому не лестно предстать в людском мнении? Дьявольская ложь становится стократ опаснее.

Рассуждая об этой особенности Воланда, критик И.Виноградов сделал необычно важный вывод относительно "странного" поведения Сатаны: он не вводит никого в соблазн, не насаждает зла, не утверждает активно неправду (что как будто должно быть свойственно дьяволу), ибо в том нет никакой нужды. По булгаковской концепции, зло и без бесовских усилий действует в мире, оно имманентно миру, отчего Воланду остается лишь наблюдать естественный ход вещей. Трудно сказать, ориентировался ли критик (вслед за писателем) сознательно на религиозную догматику, но объективно (хотя и смутно) он выявил важное: булгаковское понимание мира в лучшем случае основано на католическом учении о несовершенстве первозданной природы человека, требующей активного внешнего воздействия для ее исправления. Таким внешним воздействием, собственно, и занимается Воланд, карая провинившихся грешников. Внесение же соблазна в мир от него не требуется вовсе: мир и без того соблазнен изначально. Или же несовершенен изначально? Кем соблазнен, если не Сатаной? Кто совершил ошибку, сотворив мир несовершенным? Или не ошибка то была, а сознательный изначально расчет? Роман Булгакова открыто провоцирует эти вопросы, хотя и не дает на них ответа. Додумываться должен читатель – самостоятельно.

В.Лакшин обратил внимание на иную сторону той же проблемы: "В прекрасной и человеческой правде Иешуа не нашлось места для наказания зла, для идеи возмездия. Булгакову трудно с этим примириться, и оттого ему так нужен Воланд, изъятый из привычной ему стихии разрушения и зла и как бы получивший взамен от сил добра в свои руки меч карающий" [11]. Критики заметили сразу: Иешуа воспринял от своего евангельского Прототипа лишь слово, но не дело. Дело – прерогатива Воланда. Но тогда... сделаем вывод самостоятельно... Иешуа и Воланд – не что иное, как две своеобразные ипостаси Христа? Да, в романе "Мастер и Маргарита" Воланд и Иешуа – это персонификация булгаковского осмысления двух сущностных начал, определивших

земной путь Христа. Что это – своеобразная тень манихейства?

Но как бы там ни было, парадокс системы художественных образов романа выразился в том, что именно Воланд-Сатана воплотил в себе хоть какую-то религиозную идею бытия, тогда как Иешуа – и в том сошлись все критики и исследователи – есть характер исключительно социальный, отчасти философский, но не более. Можно лишь повторить вслед за Лакшиным: "Мы видим здесь человеческую драму и драму идей. /.../ В необыкновенном и легендарном открывается по-человечески понятное, реальное и доступное, но оттого не менее существенное: не вера, но правда и красота" [12].

Разумеется, в конце 60-х годов весьма соблазнительно было: как бы отвлеченно рассуждая о евангельских событиях, касаться больших и острых вопросов своего времени, вести рискованный, щекочущий нервы спор о насущном, подниматься над иссушающим мозг и душу уровнем официальных идеологических норм (теперь-то забавно читать суровые окрики, требующие анализа романа с позиции расстановки классовых сил, – но тогда же было не до смеха). Булгаковский Пилат давал богатый материал для грозных филиппик по поводу трусости, приспособленчества, потворствования злу и неправде – то звучит злободневно и до сих пор. (К слову: не посмеялся ли Булгаков лукаво над будущими своими критиками: ведь Иешуа вовсе не произносил тех слов, обличающих трусость, – они примыслены ничего не понявшими в его учении Афранием и Левием Матвеем). Понятен пафос критика, взыскующего возмездия. Но злоба дня остается лишь злобой. "Мудрость мира сего" не способна оказалась подняться до уровня Христа. Его слово понимается на уровне ином, на уровне веры.

Однако "не вера, но правда" привлекает критиков в истории Иешуа. Знаменательно само противопоставление двух важнейших духовных начал, на религиозном уровне не различаемых. Но на низших-то уровнях смысла "евангельских" глав романа невозможно осознать, произведение остается непонятым.

Разумеется, критиков и исследователей, стоящих на позициях позитивистски-прагматических то и не должно смущать. Религиозного уровня для них и нет вовсе. Показательно рассуждение И.Виноградова: для него "булгаковский Иешуа – это на редкость точное прочтение этой легенды (т.е. "легенды" о Христе. – М.Д.), ее смысла – прочтение, в чем-то гораздо глубже и вернее, чем евангельское ее изложение" [13]. Для критика существенно важным оказалось, что Иешуа не ведает о своей судьбе, – это-то и возвышает якобы Булгакова над евангелистами. "Иначе легенда превращается лишь в религиозную фикцию" [14].

Да, с позиции обыденного сознания, по человеческим меркам – неведение сообщает поведению Иешуа пафос героического бесстрашия, романтического порыва к "правде", презрения к опасности. "Знание" же Христом Своей судьбы как бы (по мысли критика) обесценивает Его подвиг (какой-де тут подвиг, если хочешь – не хочешь, а чему суждено, то и сбудется). Но высокий религиозный смысл совершившегося ускользает таким образом от нашего понимания. Непостижимая тайна Божественного самопожертвования, приятия на Себя позорной, самой унижительной казни, отречение от Своего могущества во искупление человеческого греха, явившее наивысший пример смирения, приятие земной смерти не ради отвлеченной правды, но во спасение человечества – конечно, для атеистического сознания то суть лишь пустые "религиозные фикции", но надо же признать хотя бы, что даже как чистая идея эти ценности гораздо важнее и значительнее, нежели любой романтический порыв, обусловленный заурядным непониманием последствий собственных деяний. Одно дело, когда слабый человек стоит за свою ограниченную истину (в естественной надежде, что, быть может, еще и обойдется), а на кону лишь его собственная жизнь. Другое – когда Бог совершает сакральный акт непостижимого сознанием само-жертвоприношения, и в том решаются судьбы мироздания.

Вот откуда легко просматривается истинная цель Воланда: десакрализация земного пути Бога Сына – что и удается ему, судя по первым же отзывам критиков, вполне. Но не

просто заурядный обман критиков и читателей замыслил Сатана, создавая роман о Иешуа – а ведь именно Воланд, отнюдь не Мастер, является истинным автором литературного опуса о Иешуа и Пилате. Напрасно Мастер самоупоенно изумляется, как точно "угадал" он давние события. Подобные книги "не угадываются" – они вдохновляются извне. И если Священное Писание – Боговдохновенно, то источник вдохновения романа о Иешуа также просматривается без труда. Впрочем, основная часть повествования и без всякого камуфляжа принадлежит именно Воланду, текст Мастера становится лишь продолжением сатанинского измышления.

Повествование Сатаны включается Булгаковым в сложную мистическую систему всего романа "Мастер и Маргарита". Собственно, название это затемняет подлинный смысл произведения: внимание читателя сосредоточивается на двух персонажах романа как на главных, тогда как по смыслу событий они являются лишь подручными истинного главного героя. Каждый из этих двух выполняет особую роль в том действе, ради которого Воланд прибывает в Москву. Если взглянуть непредвзято, то содержание романа, легко увидеть, составляет не история Мастера, не литературные его злоключения, даже не взаимоотношения с Маргаритой (все то вторично), но история одного из визитов Сатаны на землю: с началом оно начинается и роман, концом его же и завершается. Мастер представляется читателю лишь в 13 главе, Маргарита и того позднее по мере возникновения потребности в них у Воланда.

С какой же целью посещает Воланд Москву? Чтобы дать здесь свой очередной "великий бал". Но не просто же потанцевать замыслил Сатана.

Н.К.Гаврюшин, исследовавший "литургические мотивы" романа Булгакова, доказательно обосновал важнейший вывод: "великий бал" и вся подготовка к нему составляют не что иное, как сатанинскую антилитургию, "черную мессу", – и нам остается лишь присоединиться к такому заключению исследователя (любопытного читателя отсылаем к соответствующей статье названного автора [15]).

Под пронзительный крик "Аллилуйя!" беснуются на том балу присные Воланда. Все события "Мастера и Маргариты" стянуты к этому смысловому центру произведения. Уже в начальной сцене – на Патриарших прудах – начинается подготовка к "балу", своего рода "черная проскомидия". Гибель Берлиоза оказывается вовсе не нелепо случайной, но включенной в магический круг сатанинской мистерии: отрезанная голова его, украденная затем из гроба, превращается в потир, из которого в завершение бала "причащаются" преобразившийся Воланд и Маргарита (вот одно из проявлений антилитургии – пресуществление крови в вино, таинство навыворот). Бескровная жертва Божественной Литургии подменяется здесь жертвой кровавой (убийство барона Майгеля). Можно перечислять многие проявления сатанинской ритуальной мистики в романе, но сосредоточимся на нашей теме.

На Литургии в храме читается Евангелие. Для "черной мессы" надобен иной текст. Роман, созданный Мастером, становится не чем иным, как "евангелием от Сатаны", искусно включенным в композиционную структуру произведения об анти-литургии. Вот для чего была спасена рукопись Мастера. Вот зачем оболган и искажен образ Спасителя. Мастер исполнил предназначенное ему Сатаной.

Иная роль у Маргариты, возлюбленной Мастера: в силу неких особых присущих ей магических свойств она становится источником той энергии, которая оказывается необходимой всему бесовскому миру в определенный момент его бытия, – ради чего и затевается тот "бал". Если смысл Божественной Литургии – в евхаристическом единении со Христом, в укреплении духовных сил человека, то анти-литургия дает прирост сил обитателям преисподней. Не только неисчислимое сборище грешников, но и сам Воланд-Сатана как бы обретает здесь новое могущество, символом чего становится изменение его внешнего облика в момент "причащения", а затем и полное "преображение" Сатаны и его свиты в ночь, "когда сводятся все счета".

Перед читателем, таким образом, совершается некое мистическое действо: завершение

одного и начало нового цикла в развитии запредельных основ мироздания, о которых человеку можно дать лишь намек – не более того.

Таким "намеком" становится роман Булгакова. Источников для такого "намёка" выявлено уже множество: здесь и масонские учения, и теософия, и гностицизм, и иудаистические мотивы... Мироззрение автора "Мастера и Маргариты" оказалось весьма эклектичным. Но главное – антихристианская направленность его – вне сомнения. Недаром так заботливо маскировал Булгаков истинное содержание, глубинный смысл своего романа, развлекая внимание читателя побочными частностями. Темная мистика произведения помимо воли и сознания проникает в душу человека – и кто возьмется исчислить возможные разрушения, которые могут быть в ней тем произведены?

ПРИМЕЧАНИЯ

*Этот трагический отпечаток – в утрате цельного православного миропонимания, которое, будучи, к примеру, в эстетической системе А.С.Пушкина еще не разрушенным, вознесло "Капитанскую дочку" на недостижимую вершину русской литературы (см. выпуск 3 данной серии: В.Н.Катасонов. "Хождение по водам"). [^]

- 1) Михаил Булгаков. Романы. /1., 1978. С. 438. [^]
- 2) Там же. С. 439. [^]
- 3) Там же. С. 435. [^]
- 4) Там же. С. 446. [^]
- 5) Там же. С. 448. [^]
- 6) Там же. С. 441. [^]
- 7) Там же. С. 447. [^]
- 8) В.Г.Белинский. Собрание сочинений: В 3 т. Т.3. М., 1948. С. 709. [^]
- 9) Московский церковный вестник. 1991. № 1. С. 14. [^]
- 10) Булгаков. Цит. соч. С. 776. [^]
- 11) В. Лакшин. Пути журнальные. М. 1990. С. 242. [^]
- 12) Там же. С. 223. [^]
- 13) Вопросы литературы. 1968. № 6. С. 68. [^]
- 14) Там же. [^]
- 15) Н.К.Гаврюшин. Литостротон, или Мастер без Маргариты // Символ. 1990. № 23. [^]